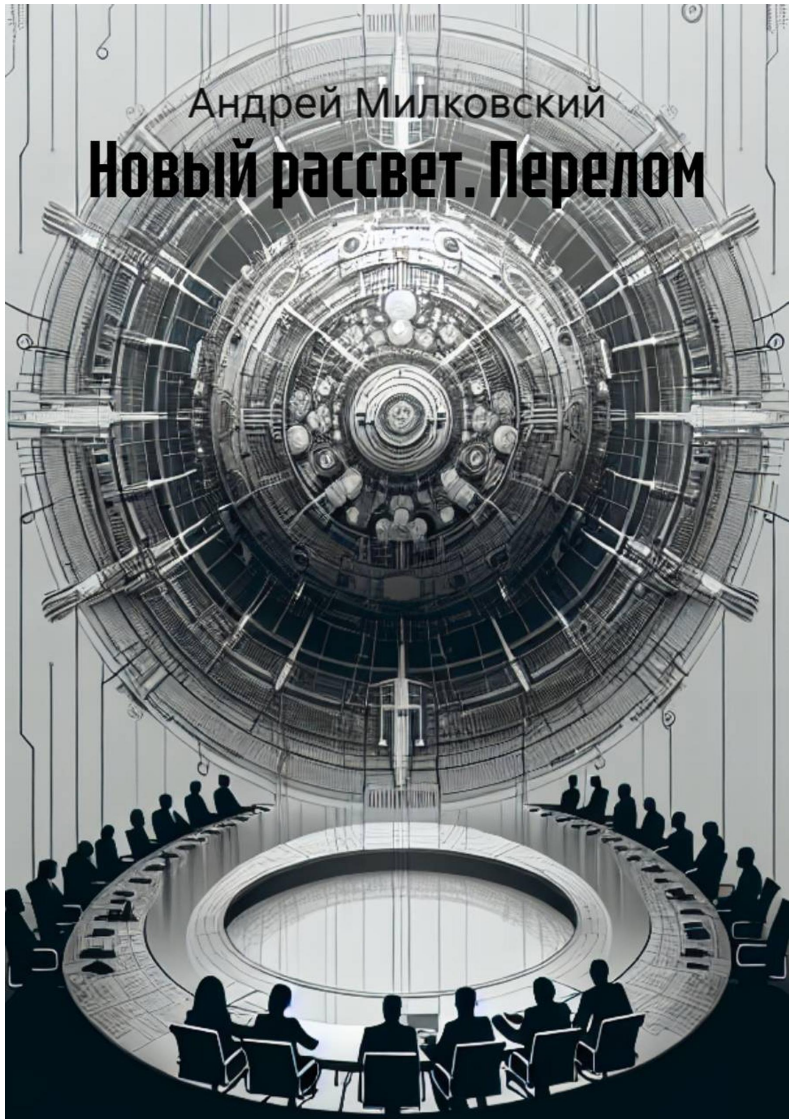

Андрей Милковский
Новый рассвет. Перелом

Андрей Милковский
Новый рассвет. Перелом
Серия «Новый рассвет», книга 1

<https://litres.ru/73277993>

SelfPub; 2026

Аннотация

Перелом — первая книга цикла «Новый рассвет».

Это техно-драма о попытке перенаправить ресурсы с войны на науку и о том, как наука сталкивается с этикой, политикой и общественным доверием. Проект Palingenesis/Aegis обещает прорыв в управлении материей, но ряд инцидентов выявляет скрытые риски — от технических утечек до неожиданных эффектов на операторов. Роман рассказывает о работе учёных, юристов и дипломатов, о публичных слушаниях и о формировании новых правил для опасных технологий.

Содержание

Глава 1. Речь и искра	4
Глава 2. Отголоски и критики	14
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Андрей Милковский

Новый рассвет. Перелом

Глава 1. Речь и искра

Здание конференц-центра выглядело иначе вечером, когда солнце уходило за линию горизонта и фасад из стекла и стали превращался в зеркало для неба и огней города. Люди это замечали: в отражении были и те, кто пришёл сюда за знаниями, и города, из которых они приехали – вся картина словно говорила о чём-то большем, чем простая встреча.

Внутри же, в «Аудиториуме Нуль», воздух был особенно плотным – здесь важны были не только цифры, но и направление мысли. Свет софитов делал пространство чуть гуще, а акустика зала сглаживала шаги, заставляя людей говорить тише и слушать внимательнее. Это была не просто конференция – это была искра, которую могли либо раздуть, либо дать погаснуть.

Дмитрий Кузнецов стоял за трибуной в простом костюме. Он помнил, как готовился к этому вечеру: ночь окончательных правок с чашками полуостывшего кофе, последние звонки коллегам из разных часовых поясов, цепочка мыслей, которые нужно было упаковать в понятную форму. Он вышел на эту сцену с чувством ответственности, более тяжёлой,

чем любая офисная рутина: ответственности перед теми, кто уже погиб, и перед теми, кто ещё будет жить.

Перед выходом на сцену он остановился в коридоре, где камера коротко показала его силуэт. В голове пролетели образы: дым, сирены, лицо друга, которого он потерял в давно забытой войне, документы с пометками «срочно», гул печатающих контрактов – и, напротив, белая карта с надписью «Что если...». Он глубоко вдохнул, поправил микрофон и вышел. На сцене его встретила короткая пустота – несколько секунд тишины, которые нужно было заполнить паузой, собрать внимание, чтобы слова не рассыпались в воздухе.

– Господа и дамы, – начал он ровно, сдержанно, – мы привыкли считать прогресс через метрики мощи: тонна, мегаватт, радиус поражения. Эти величины сделали нас сильными в смысле применения силы. Но сила ради силы – не цель. Мы должны решить, в какой силе мы нуждаемся завтра – в силе разрушать или в силе созидать.

Он сделал паузу и позволил аудитории уловить смену перспективы – из привычного взгляда на силу к вопросу о ценности. Это был момент, когда научная репутация встречалась с моральной просьбой. Дмитрий вынул из кармана лист с тезисами и заговорил медленнее, приближая образы:

– Представьте мир, где ресурсы, сегодня направляемые на вооружение, идут на знания о фундаментальных законах, которые могут радикально поменять наш подход к энергии, материи и информации. Не на проекты очередного боево-

го комплекса, а на дешёвую, чистую энергию; на технологии восстановления экосистемы; на средства против пандемий и массовых разрушений. Это практика безопасности, построенная на возможностях, а не на угрозе.

Шёпот по залу нарастал: где-то раздавались кивки и тихие вздохи, а кто-то в первых рядах уже заносил его слова в планшет. Дмитрий продолжил, вводя примеры, которые делали идею менее абстрактной:

– Возьмём, к примеру, вопрос энергосистемы. Если мы научимся управлять процессами декогеренции в масштабах, достаточных для дешёвой, устойчивой энергии, это снимет огромную часть геополитического давления. Или возьмём вопросы восстановления: когда технологии позволят восстанавливать почвы, биоценозы и инфраструктуру быстрее, цена войн и разрушений резко уменьшится. И если мы будем инвестировать не в краткосрочный военный перевес, а в долгосрочную надёжность – мы сможем сократить число кризисов, а значит, и число военных конфликтов.

Его голос становился более личным, он сдвинул оптику выступления: от глобального к человеческому.

– Я потерял друга, который был уверен, что его инженерные решения защитят город. Его проекты – его усилия – привели к тому, что он погиб от этих же решений. Это не статистика. Это – лицо. И я не хочу, чтобы чья-то гибель стала строкой в отчёте. Нам нужно перестать считать людей цифрами и сделать человеческую жизнь центром решений.

В зале почти ощутимо повисла пауза. Среди вопросов, которые бросали в трёх направлениях – научном, политическом, моральном – прозвучал и очевидный:

– А кто даст деньги?

Голос из зала принадлежал человеку, который считал бюджеты так же привычно, как другие люди пишут письма.

Дмитрий улыбнулся с лёгкой усталостью и ответил прямо:

– Я предлагаю смешанную модель финансирования и прозрачные условия доступа. Государственные гранты создают базис, частные фонды аккумулируют ускоряющие ресурсы, а институциональные облигации обеспечивают долгосрочные проекты. Но деньги – это средство, а не цель. Главное – институциональная структура, которая делает технологии и доступ к ним многосторонними.

Вопросы перемежались с возражениями: кто-то беспокоился о национальном суверенитете, кто-то – о коммерческой выгоде, кто-то – о злоупотреблении. Однако когда из зала прозвучал резкий голос:

– А кто помешает тем, кто захочет использовать новые открытия не по назначению? – Дмитрий ответил тем, что, вероятно, и ожидало услышать большинство:

– Контроль – это не только запрет. Это прозрачность, аудит, независимые экспертизы и международная структура. Если одна страна станет монополистом знания – это создаст новую гонку вооружений, но уже научную. Мы предлагаем многосторонность и механизмы, которые делают зло-

употребление видимым и дорогостоящим.

Из зала поднялся молодой человек с планшетом – студент, кажется, из технического вуза. Он спросил почти по-детски:

– А как убедить людей, что это не утопия? Что это – реальная стратегия?

Дмитрий посмотрел на него и вдруг стал проще, ближе:

– Мы не говорим о чудесах. Мы говорим о дорожной карте: этапы, результаты и критерии успеха. Мы будем публиковать отчёты, давать доступ независимым аудиторам и формировать международные рабочие группы. Это будет долгий путь, но путь, который уменьшает риск больше, чем любая новая пушка.

Аплодисменты были не буйными, но тёплыми: многие чувствовали, что услышали формулировку важной идеи.

Когда аплодисменты стихли, к сцене подошла Ольга Семёновская. Она была уверена, делова и точна – человек, который умеет превращать слова в действия.

– Вы говорите то, о чём многие думают, – сказала она, не теряя времени. – Завтра у меня встреча с инвесторами. Можем ли мы подготовить план и тезисы для презентации? Я возьму на себя организацию переговоров.

– Можем, – ответил Дмитрий. – Цели, метрики и прозрачность.

Её рукопожатие было коротким и деловым; тогда же, на заднем плане, сидел человек с блокнотом и диктофоном,

записывая всё почти машинально. Это была Мария Великая – журналистка, прославившаяся расследованием прежних утечек, о которых Дмитрий хорошо помнил. Он видел в ней и опасность, и шанс: её перо могло разоблачать зло, а могло придирается к сомнительным компромиссам.

После конференции, в коридоре, их разговор с Ольгой стал практичным и более интимным: она привела конкретику, он дал рамки. Они обсуждали потенциальных инвесторов, хронограмму и риски. Ольга была прямой:

– Нам нужны гарантии и фонды, которые не будут претендовать на монополию. Я могу привлечь три фонда при условии устава и открытой отчётности.

Дмитрий слушал и вносил поправки:

– Нужно предусмотреть независимые проверки, публикацию агрегированных данных и наложить юридические ограничения на передачу критических спецификаций сторонним силам.

Их разговор был деловым, но Дмитрий чувствовал, как внутри него появляется новая опора – мысль, за которую можно зацепиться: он понимал, что довести это до работы будет намного сложнее, чем произнести красивую речь.

В коридоре он заметил группу студентов и молодых исследователей, которые подходили, чтобы сказать несколько слов. Один из них назвал его вдохновителем, другой попросил совета о карьере. Дмитрий, стараясь быть внимательным, отвечал просто:

– Выбирайте работу, где вы не теряете своё лицо. Наука должна служить людям.

Такие разговоры напоминали ему о сути: это не только политика и бюджеты – это молодые умы, которые могут выбрать другой путь.

Позже вечером, когда официальная часть кончилась и свет в здании стал мягче, Дмитрий поднялся на экспериментальный этаж института. Коридор был пуст; свет индикаторов тихо мигал. На двери секции висела бумажка: «Ночная смена – контроль автокорреляции». В лаборатории пахло озоном и металлом; на столах мигали графики. Алексей Морозов сидел у терминала, держа в руках терпеливую термocupку – его жест был знаком привычки, которая помогала ему оставаться человеком в техническом мире.

– Что там у нас? – спросил Дмитрий, усаживаясь рядом и глядя на экран.

Алексей указал на ряд графиков:

– Самир выгрузил логи. Мы видим автокорреляционный пик при $\tau \approx 0.14$ ms. Сначала списали на помехи, но повторяемость есть.

На столе лежал lab-log – аккуратно размеченная распечатка, с пометкой и подписью:

Lab Log – Signal Analysis 03

Дата: текущая

Исследователь: Samir A.

Параметры: измерение автокорреляции, τ диапазон [0.01–2.0 ms], фаза фиксирована.

Наблюдение: автокорреляционный пик при $\tau \approx 0.14$ ms; фаза не возвращается к базовой линии – кратковременное остаточное смещение. Вероятные причины: измерительный артефакт / локальная фазовая модификация. Рекомендация: повысить точность синхронизации Q-модулей, повторить серию.

Дмитрий прочитал и сказал тихо:

– Кратковременное остаточное смещение.

Слово «остаточное» его зацепило: эхо, которое не исчезает. «Эхо», – думалось ему, – может быть как техническим, так и метафорическим. Он посмотрел на Алексея:

– Повторим серию в двух конфигурациях, добавим синхро-модули и проведём тест с контрольным образцом. Помнишь, ты говорил, что лучше иметь запасной план?

Алексей кивнул:

– Да, доктор. Я подготовлю тест-наборы: пластина, композит, керамика.

В коридоре, когда Дмитрий выходил, он встретил Машу. Она была не враждебна, но её глаза говорили, что она везде ищет факты:

– Доктор, интересная речь. Но скажите прямо: как вы остановите злоупотребления? Люди хотят гарантий.

Он посмотрел прямо в её глаза:

– Мы начнём с открытости и институтов. Никто не верит гарантиям моментально, но открытый процесс и международные механизмы – это путь.

Она не сразу улыбнулась, но кивнула:

– Я буду следить.

Домой он ушёл позже, чем обычно. Дома его ждала тишина и память. В голове мелькали сцены из докладов, реплики, лица тех, кто не верил, и тех, кто надеялся. В этой тишине он снова вспомнил друга – тот образ, который, как камертон, задавал тон. Он понял: его публичная речь – лишь первый шаг. Настоящая работа начиналась сейчас – в переговорных, в лабораториях, в документах и в людях, которые должны были обрести доверие.

Перед сном телефон внезапно зазвонил – сообщение от Ольги: «Завтра переговоры. Подготовь тезисы». Он отправил короткий ответ: «Буду», и отбросил голову на подушку. Мысли о предстоящей работе и тревога за Алексея – который ещё только начинал свой путь в новой реальности – не давали ему заснуть.

«Если мы сумеем хотя бы снизить вероятность ещё одной бессмысленной гибели, – подумал он, – в этом уже будет смысл».

Ночь была долгой. В лаборатории мерцали экраны и звучали редкие щелчки; где-то в логах оставалась та самая

небольшая аномальная строка. Пока это была лишь аномальная строка в lab-логе, но в ней уже жило обещание: не игнорировать ни одно «эхо».

Глава 2. Отголоски и критики

Утро после конференции начиналось не с рассвета – для тех, кто оказался в её эпицентре, день начинался со входа в переговорную и раскладывания материалов. Комната для переговоров, где должны были решаться финансовые и организационные вопросы по инициативе Дмитрия, выглядела сдержанно: длинный стол из тёмного дерева, кожаные кресла, ровная система освещения, которая не давала тени на лицах. За окнами город казался спокойным и респектабельным, но внутри всё готовилось к напряжённой игре интересов.

Ольга Семёновская пришла первой; она заранее разложила папки и подготовила планшет с тезисами. В её жестах было видно привычку – довести идею до практики, не давая эмоциям помешать делу. Она проверила список участников, поправила порядок заявок для выступлений и оставила на столе краткую памятку: «Принципы: прозрачность – этапность – многосторонность». Это было не только напоминание для аудитории, но и для себя – мандат, который она собиралась защищать словом и аргументом.

Когда за столом собрались делегаты, в воздухе повисло ощущение, что теперь начнётся то, что нельзя было уместить в одну вечернюю речь. Дмитрий сел рядом с Ольгой; его присутствие придавало инициативе научный вес, но было видно,

что публичные аплодисменты – лишь старт. За столом разместились представители частных фондов, несколько институциональных инвесторов и двое министров от государств с развитой оборонной промышленностью. На одном конце – человек в тёмном костюме, лицо его не выражало многого, но он был замечен: бывший руководитель крупной оборонной корпорации, ныне влиятельный инвестор; на другом – молодой министр, который оживлённо листал планшет, явно заинтересованный в технологическом превосходстве своей страны.

Ольга начала встречу кратко и точно. Она говорила медленно, подчёркивая тезисы, которые уже звучали в зале накануне, но теперь нуждались в конкретике:

– Мы предлагаем поэтапную модель финансирования и управление через многосторонний совет. Первый этап – создание начального пула фондов и инфраструктуры для базовых исследований. Второй этап – пилотные проекты с прозрачной отчётностью. Третий – масштабирование с условной страховкой доступа. Мы предлагаем, чтобы доступ к критическим спецификациям осуществлялся через одобрение совета, включающего независимых экспертов и правозащитников.

Её речь была не только речью политика: в каждом предложении слышалась практическая дорожная карта. Дмитрий иногда смотрел на неё и чувствовал: в этом предложении есть шанс превратить идею в институцию, но также видел,

что это место, где конфликт интересов неизбежен. Он позволял ей вести диалог – её роль была политическая, его – научная.

Один из инвесторов заговорил первым – его голос был акkuratным, но требовательным:

– Госпожа Семёновская, это звучит как попытка реформировать экосистему инвестиций. Кто будет нести риск? Мы не видим быстро возвращаемой прибыли, а наши отчётности требуют краткосрочных результатов.

Ольга ответила спокойно:

– Мы предлагаем смешанную модель: государственные гранты формируют базу, частные фонды дают усиление, а условные облигации обеспечивают долгосрочные проекты. Вложения частных фондов будут защищены рамками доступа к спецификациям: финансирование даёт право на мониторинг и участие в проверках, но не на свободный доступ к критическим данным.

Разговор начал приобретать экономический оттенок: кто и как получит контроль, какие будут гарантии, каковы механизмы выхода. Один из бухгалтеров фонда даже предложил форму разделения риска:

– Можно использовать трасты с удержанием прав, пока проект не пройдёт публичные аудиты.

Дмитрий включился, давая научную перспективу:

– Мы предлагаем инвестиции в уменьшение системных рисков: экономических, климатических и эпидемиологиче-

ских. Снижение этих рисков экономически выгодно — это страховка для всего рынка. Технологии, которые позволяют дешёвую энергию или восстановление экосистем, уменьшат долгосрочные расходы.

Ему задали неудобный, но важный вопрос — от министра с уставшим лицом:

— Как избегать политического контроля над доступом к данным?

— Через прозрачность и многосторонние механизмы, — ответила Ольга, — и через юридические ограничения на трансфер технологий. Мы разработаем устав, где доступ к критическим спецификациям возможен только по решению совета. В совет будут входить независимые учёные, представители гражданского общества и международные наблюдатели.

Обсуждение всё больше крутилось вокруг деталей устава. Некоторые делегаты просили конкретику: состав совета, сроки ротации, процедуры аудита, правовой режим интеллектуальной собственности. Ольга честно признавалась, что многие из этих вопросов потребуют юридической работы — и предлагала создать специальную группу юристов и правоведов во главе с профессором Бакари, которая могла бы выработать черновой устав уже на следующей неделе.

Вдруг на сессии поднялся представитель консорциума — тот самый бывший руководитель оборонной корпорации. Его голос был спокоен, но в словах слышалось напряжение:

— Мы понимаем идею перенаправления усилий. Но кто по-

мешает конкурентам извлечь выгоду и использовать разработки в иных целях? Если технологии будут открыты – они будут использоваться всеми, включая тех, кто заинтересован в милитаризации.

Ольга ответила, не теряя хода:

– Контроль – это не закрытость. Это набор институтов и юридических рамок, которые делают злоупотребление видимым и дорогим. У нас будут механизмы отслеживания, международный аудит и санкции за нарушения. Процесс должен быть коллективным – это снижает вероятность одностороннего контроля.

Развязка словесной дуэли подтолкнула к практическим предложениям: делегация предложила ввести условные лицензии – временные права доступа с ограничением по функциям и срокам, а также усиленные проверки для компаний, имеющих прежние связи с обороной.

Молодой министр, который, по-видимому, представлял одну из быстрорастущих технологических держав, поднял вопрос о темпе:

– Многосторонность всё усложняет. Мы живём в мире, где темп – это преимущество. Кто согласится тормозить, если это значит отставание в технологической гонке?

Ольга ответила с прагматизмом:

– Скорость важна, но поспешность без надзора может привести к катастрофе. Мы предлагаем две параллельные дорожные карты: открытую базовую науку с проверяемыми

ми результатами и прикладные проекты с усиленным надзором и условным доступом. Это позволит странам сохранять темп, но в рамках международного контроля.

Разговор был насыщен юридическими и экономическими деталями, но в тот момент, когда ситуация казалась чистой проработкой рамок, в дверь осторожно вошла фигура, призванная напомнить о гражданском давлении, – радикальная активистка Анаис. Она не пришла просто как участник – её появление было рассчитано: она хотела, чтобы ответственные лица слышали её лично, а не через СМИ.

Она остановилась у края зала, её голос прозвучал чётко и резко:

– Вы предлагаете перевести ресурсы из оружия в науку. Хорошо. Но кто защитит граждан, если знания станут новым видом власти? Как вы предотвратите концентрацию контроля и манипуляцию обществом через технологии?

Её слова пробивали ту часть дискуссии, которую законы и уставы не могут полностью покрыть: моральную и общественную. Тут нужны были не только юридические механизмы, но и доверие, и коммуникация.

Ольга не дала отрезать тему формальностями: она улыбнулась, но её ответ был твёрдым:

– Мы понимаем эти страхи и предлагаем прямую линию обратной связи с обществом: публичные отчёты, слушания и социальные консультации. Одного устава мало; нам нужен диалог с гражданами и их представителями.

После её реплики в комнате на некоторое время воцарилась тишина. Дискуссия смягчилась, но не затихла: все участники понимали, что от слов теперь необходимо переходить к документам.

Работа перешла в формат планёрки. Сначала сформировали рабочие группы: юридическую – под руководством профессора Аминат Бакари, принципиального правоведа, которая уже много лет занималась регулированием высоких технологий; техническую – во главе с Дмитрием и Самиром Ахмедом, молодым вычислительным физиком, чьи аккуратные расчёты держали на себе половину проекта; коммуникационную – под контролем Жана Дюмона, опытного психолога, привыкшего работать с изоляцией и кризисами, и пресс-офиса. Были назначены сроки: предварительный устав – через две недели; пилотный пул финансирования – через месяц; демонстрация первых лабораторных протоколов – по согласованию.

За круглым столом началась более прагматичная часть – обсуждение деталей меморандума. Ольга предложила структуру документа, которую озвучил Дмитрий спокойным, ясным языком:

– Меморандум должен включать цели и разделы по безопасности, описывать критерии доступа к данным и процедуру принятия решений в совете. Также важно прописать условия прозрачности и исключения: что можно опублико-

вать, а что должно проходить специальную процедуру доступа.

Он произносил не только слова, но и давал примеры: какие отчёты будут агрегированными, какие – с возможностью частичного закрытого доступа для коммерческих целей при условии контроля и публикации итогов. Это помогало людям понять, что речь идёт не о красивых фразах, а о конкретных механизмах.

Дальше обсуждение ушло в детали: кто будет представлять независимых экспертов; каким образом выбирать членов совета; как распределять голоса между вкладчиками; как обеспечить финансирование без потери публичной ответственности. Некоторые предлагали квоты для представителей гражданского общества, некоторые – ротацию членов совета.

В какой-то момент к разговору присоединился представитель одного из банков:

– Нам нужна юридическая гарантия на вложения, – сказал он. – Мы не хотим рисковать средствами наших вкладчиков без понимания юридических рамок.

Ольга ответила просто и ясно:

– Мы предлагаем юридическое оформление через трасты и уставные ограничения. Мы не даём автоматических прав на доступ. Доступ – через комитет и прозрачную процедуру.

Она отметила, что юристы профессора Бакари займутся формулировками.

Между делом один из делегатов, представлявший интересы научного сообщества, поднял осторожный вопрос о скорости публикаций и препринтов: нельзя ли выпускать предварительные результаты слишком рано – это может спровоцировать неправильное восприятие в обществе и коммерческую эксплуатацию.

– Мы предлагаем, – сказал Дмитрий, – агрегацию и поэтапную публикацию: базовые результаты открыты, а прикладные материалы проходят процедурного доступа. Таким образом научная мысль остаётся открытой, а критические спецификации – под контролем.

Обсуждение длилось несколько часов. Были жаркие моменты, но большинство участников видело смысл в предложенной структуре. К вечеру, когда дискуссия подходила к практической формулировке устава, Ольга сдержанно подвела итог:

– Мы не обещаем совершенных механизмов, но предлагаем институциональный подход, который минимизирует риски злоупотреблений. Мы предлагаем начать с малого: подготовить устав, сформировать совет и запустить пилот. Кто поддерживает?

Руки поднялись; несколько участников высказали свои условия, были предложены корректировки, но общий консенсус сложился: проект получает старт. Это было не «да» без условий – это было «да» со списком задач и рисков, которые требовали внимания.

После официальной части Дмитрий и Ольга ушли в более узкий круг для переговоров. Это была сцена, где политический опыт Ольги сочетался с научной ясностью Дмитрия. Они обсуждали, кого можно привлечь в совет как независимых экспертов, какие фонды могут задержать финансы и как разделить доступ к технологиям.

– Нам нужно чётко прописать механизм контроля, – сказал Дмитрий. – Без этого фонд просто утратит легитимность.

– Юристы профессора Бакари займутся этим, – ответила Ольга. – Нам нужны чёткие формулировки про условия доступа, компенсации и санкции.

Их обсуждение было таким же практичным, как и предыдущие: пометки на планшетах, номера участников, примерные формулировки и временные рамки.

– Мы также должны подготовиться к общественному диалогу, – добавила Ольга. – Пресс-планы, слушания и открытые отчёты.

В коридоре, уже после окончания основной части, к Дмитрию подошла журналистка Маша. Её голос был жёстким, но не враждебным:

– Доктор, вы говорите красиво. Но знаете, чего люди боятся. Они боятся, что наука окажется замкнутой в руках узкой элиты. Как вы докажете, что это не просто смена одного контроля на другой?

Дмитрий ответил честно:

– Мы не сможем доказать это моментально. Доверие стро-

ится шаг за шагом. Мы начнём с прозрачности по шагам, внешних проверок и участия гражданских организаций. Никакие бумаги не заменят действий.

Маша кивнула, но её взгляд оставался чётким: она будет следить. Это было важно – журналисты могли стать союзниками или критиками; их доверие стоило учитывать.

Перед тем как покинуть здание, Дмитрий заметил миниатюрную деталь: на столе осталась записка от одного из инвесторов с начальным предложением – небольшая сумма на подготовку инфраструктуры при условии определённых прав на коммерческое использование. Он почувствовал, что борьба за условия будет продолжаться и за закрытыми дверями; вступление в дела большого капитала – это всегда риск компромиссов.

Когда день подходил к концу, рабочие группы разошлись с конкретными заданиями. Был составлен предварительный график и список людей, которые будут нести ответственность за вопросы безопасности, юридического оформления и коммуникации. Ольга отправила Дмитрию короткую смс-заметку: «Юристы готовы, Бакари согласна. Завтра начнём работу по уставу».

Дмитрий сел в такси и, глядя в окно, думал о том, как трудно превращать риторику в институты. В его мыслях неотчётливо жило ощущение, что сейчас начинается настоящая работа – та самая, которая потребует терпения, дисципли-

плины и готовности к компромиссам. Он чувствовал усталость, но вместе с тем и отголосок надежды: если всё удастся, это станет началом другого пути.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.